

вагомими. Росія продовжує на офіційному рівні заперечувати розширення НАТО на схід, а на неофіційному рівні незгода з розширенням поширюється і на Європейський Союз. Така її позиція створює реальну перешкоду на шляху до зближення України з європейським співтовариством. Для України це складна геополітична проблема, нерозв'язна в рамках концепції багатовекторності.

Реальний розвиток відносин України зі стратегічними партнерами не містить тенденції до зближення. Значна дистанція при різній мотивації підтримується на двосторонній основі у відносинах з ЄС і США. Вона утворилася, незважаючи на численні угоди і між Україною і Росією. Ця дистанція усе більше визначається не тільки цілеспрямованими діями партнерів, а й новітнім українським ізоляціонізмом. Останній поступово абсорбує психологічну неготовність української еліти до відкритої конкуренції, страху втрати національної ідентичності, прояву розчарування Заходом і взагалі результатами міжнародного співробітництва. Прикрашені патріотичною риторикою ізоляціоністські концепти, крім того, дозволяють виправдати прорахунки в зовнішній політиці. Але головним чином дозований ізоляціонізм резервується як засіб захисту від небезпечного зовнішнього втручання у внутрішні справи владного істеблішменту.

Головним чинником, що буде надалі визначати міжнародне становище України і її політичні координати, є внутрішня ситуація. Основне завдання виконавчої влади, народних депутатів, усіх діючих осіб політичного процесу — з підтримкою громадян вивести країну із системної кризи, забезпечити її послідовний розвиток як демократичної, соціальної і ринкової держави, використовувати унікальний історичний шанс, що випав на долю нашого народу.

«НОВЫЙ ЕВРОАТЛАНТИЗМ» КАК ШАНС ДЛЯ УКРАИНЫ НА БЕЗОПАСНОСТЬ В ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ БЕЗОПАСНОСТИ

«Новий євроатлантизм» як шанс для України на безпеку в євроатлантичному просторі безпеки

Приналежність України до Східноєвропейського Прикордоння зумовлює вкрай небезпечно для України геополітичне середовище. Україна, завдяки тому, що опинилася під впливом різних центрів сили та не має спроможності сподіватися на реалізацію державного нейтралітету самотужки, не потрапляє до жодного простору безпеки цих центрів сили. Це вкрай негативно впливає на всі процеси суспільно-політичного та економічного життя країни. Концепція «нового євроатлантизму» дає теоретичний шанс поєднати безпекові зони в Європі на користь національної безпеки як України, так й інших держав євроатлантичного поясу.

Объективное в перцепции НАТО как «хребта» евроатлантического пространства безопасности

В экспертном сообществе такая знаковая конструкция как «Евроатлантическое пространство» в контексте и даже вне контекста «безопасности» ассоциируется и даже подсознательно связывается с центральным, «каркасным» понятием — с Организацией Североатлантического договора. Более того, это утверждение тем более верно для неэкспертного сообщества, где НАТО, но только уже в качестве коллективного бессознательного, является безусловным символом всего евроатлантического. Последнее, что характерно для неэкспертного дискурса, часто отождествляется со всем американским. Такой посыл автоматически оставляет в тени рассуждений о

европейском и глобальном пространстве безопасности не менее важные составляющие цельного представления о НАТО, не имеющие зачастую прямого отношения к сверхдержавному статусу США. Собственно, это приводит к искаженному представлению о «ткани» евроатлантического пространства безопасности как таковом, так как акценты постоянно смещаются в сторону «атлантического» при недооценке «евро». Последний тезис приобретает особую проблематичность и неоднозначность в наши дни, особенно в ситуации, когда речь идет о международной организации, в состав которой входят 26 суверенных государств (при этом всего два из них находятся не в Европе). Объективно, национальные интересы всех 26 членов могут расходиться (а в последнее время расходятся все чаще) в тактических подходах к актуальным проблемам международной безопасности и непосредственным соседям НАТО. Не зря постановка вопроса о расколе в НАТО и о потере единства в подходах к миссиям и дальнейшим стратегиям выглядит вполне закономерной. Это касается и «со-ревновательности» двух ключевых для глобальной и региональной безопасности системных процессов, участвующих в конструировании нового мирового порядка: европейской и евроатлантической интеграций, часто также отождествляемых в общественном сознании и вызывающих «ревность» «одних», по отношению как к этим процессам, так и к тем «другим», кто хотел бы в них поучаствовать. Так или иначе, не вдаваясь в суть околонатовской мифологизации и де-мифологизации, без преувеличения можно предположить, что в научном и обывательском дискурсах этот символ евроатлантизма — символ НАТО — выступает в качестве главного, «единого и неделимого» смыслового агента при определении, обозначении и выделении качественных и количественных характеристик того самого трансатлантического пространства, где США действительно играли и играют ключевую роль. И прежде всего, в сфере военной безопасности.

Такая перцепция «евроатлантического» сквозь призму НАТО характерна, по крайней мере, для современного, постсоветского украинского общества. Не сложно предположить, что аналогичный подход к восприятию «евроатлантического» характерен и для большинства постсоветских обществ бывших Советских республик. При этом ассоциирование в связке «евроатлантическое»—«НАТО» все равно подразумевает однозначный военный, силовой контекст, несмотря на то, что в риторике многих официальных представителей штаб-квартиры НАТО и сторонников евроатлантической интеграции в Украине предпочитают играть со смыслами, и зачастую приоритизируют политическое, нежели военное, в трактовке особенностей современного функционирования этого военно-политического блока. Это и не удивительно, так как корни такого ассоциативного процесса уходят глубоко в историю «холодной войны» и общего исторического прошлого периода СССР, где НАТО воспринималось как вражеский блок, что в логике «холодной войны» может трактоваться вполне естественно и даже оправданно.

В принципе, в том, что Североатлантический альянс является краеугольным камнем в фундаменте разветвленной архитектуры евроатлантической безопасности, которая связывает воедино стратегические интересы США и их союзников в Европе, ни для кого не открытие и на Западе. В связи с этим, отождествление евроатлантического пространства безопасности с функционированием НАТО характерно и для «западного» восприятия. Только там, в отличие от постсоветского пространства, дискурс о евроатлантической безопасности в контексте НАТО на обывательском уровне, не говоря уже об экспертном, не несет заряд чрезмерной заполитизированности, иногда граничащей с состоянием банальной истерии. А в числе приоритетов вопросы, связанные с самой проблемой существования НАТО как такового, не относятся к первостепенным. И это при том, что как в странах—членах НАТО, так и вне таковых, найдется немало

людей, которые либо мало слышали, либо вообще не знают о существовании самой Организации Североатлантического договора.

Влияние субъективного в перцепции НАТО как синонима «враг» и «агрессор» на мисперцепцию евроатлантического пространства безопасности

Но главное, концептуальное отличие в перцепции и мисперцепции Североатлантического альянса как военно-политического блока, по крайней мере в отдельных сегментах украинского общества и значительной части российского по сравнению с «западным», является то, что НАТО по-прежнему рассматривается не просто как враждебный блок. Его деятельность еще и трактуется как агрессивная, такая, которая угрожает национальной безопасности, как России, так и Украины.

Действительно, например, для антинаатовских сил в Украине характерна безапелляционная приверженность аксиоматической конструкции, закрепляющая логику их идеологического поведения в следующей последовательной цепочке восприятия: «Россия для Украины — друг», «НАТО для России — враг», «НАТО для Украины — враг». Таким образом, логика поведения в стиле «враг моего друга — мой враг» становится чуть ли не единственной автоматической причиной противопоставления НАТО и России пророссийскими силами в Украине, сопровождаемого усиленными разговорами, часто спекулятивного характера, о славянском братстве, православном единстве и исторической связи трех восточнославянских народов. Хотя попытка уйти от «историзации» политики (в свое время породившей у Украины «переяславский синдром» «младшего брата») в рамках двусторонних украино-российских отношений пока не возможна в полной мере. В отличие, скажем, от единой Европы, конструкция которой в рамках сначала ЕЭС, а затем и ЕС, стала возможной благодаря готовности великих

и средних европейских держав если не полностью забыть прежние ссоры и войны, то, по крайней мере, не вводить их в актуальный дискурс при решении актуальных политических проблем. В противном случае отсылка к истории Европы и ее государств постоянно бы оживляла не только вопрос спорных территорий и государственных границ, но и сделало бы невозможным ведение диалога по современным проблемам в рамках единой организации — ЕС. В случае же с Украиной, как и с некоторыми другими странами, «историзация» ее отношений с Россией является объективным свойством. Однако если же исторический имидж НАТО как «врага», что было уже отмечено выше, это дань общей советской истории, то имидж современного «агрессора», несущего определенную угрозу, — это дело рук политической пропаганды, часто официально отображаемой в концептуальных, доктринальных государственных документах в сфере внешней, военной и оборонной политики, национальной безопасности. Последнее в большей степени характерно для России, нежели для Украины, где не то что процесс расширения НАТО не рассматривается как угроза национальной безопасности Украины, само стремление стать членом Североатлантического альянса неоднократно закреплялось на официальном уровне. Для справедливости необходимо отметить, что имидж «агрессора» прорисовывается как рефлексия на силовые акции НАТО постбиполярного образца, где события в Югославии 1999 года являются отправными. Другое дело, что контраргументом в деструкции имиджа агрессора могут и должны стать попытки объяснить логику поведения Североатлантического альянса объективными причинами сдерживания другой агрессии и борьбой с угрозами в интересах неприкасаемости коллективной и кооперативной систем безопасности. Тем более, что сопоставление действий НАТО в Югославии в 1999 году и действий России в Грузии в 2008-м дает благодатную почву для такого теоретизирования. Но это уже другая история.

В связи же с вышеизложенным необходимо подчеркнуть, что само восприятие такого понятия, как «евроатлантическое пространство безопасности», почти автоматически приобретает в массовом сознании постсоветского образца крайне негативный смысл, выдавливая из него — по историческим, геополитическим, идеологическим, культурным и ментальным причинам — все постсоветское пространство. За исключением, может быть, Грузии, где поддержка евроатлантической интеграции грузинского государства среди населения достигает 77%. В особом «продвинутом» положении оказались стоящие особняком страны Балтии, которых сегодня, в силу множества причин, главными из которых является их членство в НАТО и ЕС, с большой натяжкой можно включать в то, что мы сегодня понимаем под пространством «постсоветским». Более того, Латвия, Литва и Эстония коллективно «вклинили» евроатлантическое в постсоветское, «наложив» его на постсоветские проблемы и поставив, совместно со странами бывшей Восточной Европы, тоже членами НАТО и ЕС, вопрос о «новом евроатлантизме».

«Новый евроатлантизм»

Возвращаясь же непосредственно к проблеме восприятия Североатлантического альянса как структуры, претендующей на роль создателя «новой культуры совместной безопасности в Евро-атлантическом регионе»¹, необходимо отметить, что НАТО, как объективная реальность, данная нам в ощущение, нас интересует не само по себе как носитель «позитива» или «негатива». В конце концов, НАТО существует как всеми признанный факт и как самый крупный блок коллективной безопасности, а трактовка «заряда», который он несет в себе, — это субъективное восприятие любого заинтересованного. В рамках данного контекста НАТО, пусть даже как некий

¹ Баланзіно С. Рік після Сінтри: спільна безпека через РСАП та ПЗМ // НАТО рев'ю. — 1998. — № 2. — С. 8.

символ «враждебности» и «агрессивности», нас прежде всего интересует как раз как носитель «новой культуры совместной безопасности», который локализует свои возможности в четко очерченном границами стран—членов НАТО пространстве. Исчерпывается ли этими границами, этим «натовским пространством», историческое значение «евроатлантизма»? Насколько эксклюзивно или инклюзивно это пространство с точки зрения его стабильности в соприкосновении с другими пространствами (без)опасности сегодня, в постбиполярный период? Вот это те ключевые вопросы, которые имеют как практическое наполнение, так и всецело концептуальное. Говорим ли мы при этом о множестве пространств безопасности, или мы говорим об одном пространстве безопасности? Другое дело, хочет ли Россия рассматривать себя как часть евроатлантического пространства безопасности? Дальнейшая теоретизация этих вопросов может пролить свет на противоречия в отношениях НАТО и России, США и России, позиции «безопасности» Украины, Грузии и других акторов в контексте отношений двух-трех суперигроков в глобальном пространстве безопасности.

Поэтому начав с размышлений о фиксации тождества евроатлантизма и НАТО, выражаемое в формуле «мы говорим евроатлантическое пространство — подразумеваем НАТО, мы говорим НАТО — подразумеваем евроатлантическое пространство», хотелось бы высказать мнение о том, что в современных условиях концепт «евроатлантического пространства» постбиполярного образца расширяет свое значение и на территорию бывшего Советского Союза (для начала можно вспомнить все те же страны Балтии). То есть этот концепт не обязательно должен ассоциироваться исключительно с НАТО. Это автоматически означает, что в него потенциально включается не только Украина и Грузия, выразившие свое желание присоединиться к Альянсу, а все страны европейской части бывшего СССР. Этот тезис в полной мере касается и России, которая, в связи со своими уникальными географиче-

скими координатами и неразрывностью пространства своей внутригосударственной безопасности, фактически расширяет евроатлантическое пространство до берегов Тихого океана. Таким образом, под евроатлантическим пространством безопасности мы предлагаем понимать географическое пространство от Аляски до Владивостока. Пока такая смысловая конструкция существует лишь в гипотетическом формате и, возможно, нуждается в более глубокой концептуальной проработке, необходимо отметить, что об однозначности такой трактовки можно было бы утверждать в случае, если бы Россия стала членом НАТО. Пока же этого не произошло, в евроатлантическом пространстве существует несколько пространств безопасности: традиционное, историческое, «НАТОвское», и «не-НАТОвское», постсоветское пространство как часть формирующейся общей системы европейской безопасности. Уместно в этом контексте и отреагировать на вопрос «а хочет ли Россия рассматривать себя как часть единого, общего евроатлантического пространства безопасности?» Проблема-то и заключается в том, что в современных условиях глобальных вызовов и угроз без создания общей стабильной, по крайней мере, кооперативной системы безопасности, но в едином евроатлантическом пространстве от Аляски до Владивостока, ни одно государство в этом поясе не будет чувствовать себя вне опасности. Это понимают и в Кремле, поэтому концептуально готовы осознавать себя как часть единого евроатлантического пространства, но... Но на определенных условиях, ключевым из которых является даже не институциональное вступление в саму Организацию Североатлантического договора, а наличие права «вето» на принятие решений в этой организации. Но это уже к вопросу о применении концептуального на практике.

«Пространство связей» и «связь пространств» безопасности

Тем временем наличие нескольких, часто не накладывающихся друг на друга, пространств безопасности в Европе стало возможно в связи с тем, что новый мировой порядок после развала СССР переориентировался с глобального на региональный уровень в процессе децентрализации bipolarной системы и ее распада. Тогда период всеобъемлющей изолированности стран сменился глобальным процессом интернационализации, результатом которого стало своеобразное сжатие пространства.¹ Глобализация усилила связь пространств, причем набирающий ход регионализм углубил, сконцентрировал эту связь в каждой конкретной точке, отдельно взятом пространстве. Каждый конкретный постбиополярный регион превратился в пространство межгосударственных связей, где традиционная, историческая «евроатлантика» не стала исключением. Сложно не согласиться с известным российским политологом-международником Николаем Алексеевичем Косолаповым, чье мнение по поводу множественности региональных пространств, как основы нового мирового порядка, выглядит следующим образом: «...глобализацию можно определить как процесс организации в единое системное целое множества пространств, возникших в разное время, составлявших сферу международных отношений и занимающих «нишу» от субгосударственного (внутристрановые регионы) до глобального уровня мира».² Таким образом, современные субъекты международных от-

¹ Волынчук А. Б., Фролова Я. А. Глокализация как предмет научного исследования. Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. — http://www.rusnauka.com/9_EISN_2007/Economics/21363.doc.htm

² Косолапов Н. Пространственно-организационный подход к анализу международных реалий // <http://www.intertrends.ru/fifteen/005.htm>

ношений, в том числе и по вопросам обеспечения своей безопасности, входят в особую региональную взаимосвязь, где каждый регион превращается в арену взаимодействия, «пространство связей», и уже множество пространств-регионов формируют «связь пространств» безопасности, оформляя глобальную систему мировой политики и глобальной безопасности. В этом старое «районирование» пространств безопасности — по сути, конструирование геополитических сфер влияния времен «холодной войны» и раздел его между антагонистическими военно-политическими и экономическими блоками в императивном порядке, отличается от «нового» механизма формирования пространств безопасности — на основе равноправного и общего интереса, свободы выбора множества акторов. В связи со всем этим, в начале 1990-х годов встал вопрос о «сращивании» евроатлантического пространства образца «холодной войны» с бывшим социалистическим пространством Организации Варшавского договора. Бывшие соцстраны Восточной Европы успешно преодолели этот процесс «сращивания» пространств безопасности в два этапа. Но инерция распада единого советского пространства безопасности такова, что оно все еще находится в состоянии полураспада и «зависло» между многими субпространствами безопасности, больше напоминающими если не «черные дыры», то по крайней мере «серые зоны», тормозящие процессы евроатлантической интеграции, с одной стороны, развитие ОДКБ — с другой (хотя последняя структура с большой натяжкой может претендовать на статус однозначного военно-политического блока, репрезентующего единое пространство безопасности стран СНГ и наследника «советской» зоны ответственности времен ОВД/СССР).

Концептуализация «накладывающихся» пространств прослеживается в теории восточноевропейского Пограничья, активно продвигаемой экспертным сообществом «западных ННГ» — Беларуси, Молдовы, России, Украины, где вопро-

сы обретения и сохранения суверенитета и независимости, территориальной целостности, неприкосновенности государственных границ еще долго не потеряют свою актуальность. Украина сегодня находится и в рамках концептуальной модели Приграничья Европы (Borderland Europe), как обозначают пространство между Европейским Союзом и Россией некоторые западные теоретики. Например, в книге известного западноевропейского исследователя международных отношений Майкла Эмерсона «Слон и медведь» Украина как раз и рассматривается как государство, находящееся у границ той единой, интегрированной Европы.¹ Идентификация регионов Приграничья Европы в данном источнике проводится через три категории: интегрированные периферии, разделенные периферии и накладывающиеся периферии. Первая категория относится к тем государствам, которые преследуют цель присоединиться к одной, либо к другой империи. Во вторую попадают те страны, которые разделены между двумя предпочтениями — одновременно исповедующие и западную, и восточную ориентацию, и стремящиеся развивать отношения сразу с двумя империями. Третья категория характерна для тех обществ, которые, относясь к одной империи, застряли, оказавшись отрезанными, в рамках другой.² Исходя из такой теоретической посылки, мы можем предположить следующее: например, специфическое положение Украины демонстрирует, что Украина фактически абсорбировала характеристики всех трех категорий одновременно, что не добавляет ее внутренней и внешней политике ни четкой стратегии, ни ясности ее дальнейшего развития.

¹ Emerson M. «The Elephant and the Bear». The European Union, Russia and their Near Abroad. — Brussels, Center for European Policy Studies, 2001. — 63 p.

² Там же.

«Интегрированные», «разделенные» и «накладывающиеся» пространства евроатлантической безопасности

Если использовать теорию Пограничья в самом широком охвате для теоретизации вопросов безопасности с учетом теоретических наработок в странах бывшего СССР и Европы, то можно попытаться «секьюритизировать» «теорию периферий». Так, в частности, развивая выдвинутый выше тезис о противоборстве концепции множественности пространств безопасности и единого в евроатлантическом поясе, то можно так же смоделировать их три основных вида: интегрированные пространства безопасности, разделенные пространства безопасности и накладывающиеся пространства безопасности. Интегрированные пространства евроатлантизма — это те, которые и представляют из себя единое евроатлантическое поле в результате «сращивания» западного и постсоветского пространств безопасности. Это может произойти как вследствие вступления, например, России и других европейских ННГ в НАТО, так и вследствие формирования на его основе другой «всех-охватывающей» структуры коллективной безопасности. Сегодня же речь идет скорее о разделенных пространствах безопасности: с одной, «западной» стороны, за нее «отвечает» НАТО, с другой, в попытке реанимировать ОДКБ и усилить военно-политическое и военно-техническое сотрудничество со странами СНГ на двусторонней основе — Россия. Имеет перспективу и формирование евроатлантического пространства безопасности от Аляски до Владивостока на основе накладывающихся пространств, где речь могла бы идти о формировании системы кооперативной безопасности с наличием новых «стыковых» структур и механизмов управления, при которых все страны, пожелавшие в нее войти, участвовали бы в принятии решений. Но реализация тех или иных сценариев в большей степени зависит от США и России, от уровня их готовности стать единым целым в рамках совмещенных пространств безопасности. Имеется в виду и готовности разделить бремя ответственности за

поддержания безопасности в тех самых зонах и сферах влияния, считавшихся когда-то полем единоличной ответственности США и в прошлом СССР, а ныне России. Но такой сценарий маловероятен, так как ни США, ни Россия не стремятся ни с кем делить зону своей исторической ответственности, а проникновение в таковую «чужого» воспринимается как непосредственная угроза, несмотря на то, что универсализация глобальных угроз диктует необходимость «сращивания» пространств безопасности, как США, так и России, в рамках «нового евроатлантизма».

Кроме того, раз уж Украина попадает в пространство между ЕС и Россией, где существует Приграничье Европы, то автоматически должно существовать и Приграничье России, или Евразии, где Украина так же вынуждена учитывать актуальность своего соседства в контексте проблем безопасности. В России для определения государств «российского приграничья» из числа бывших республик СССР используется устоявшийся еще в 1990-е годы термин «ближнее зарубежье». Гиперболизируя в определенной степени «российский фактор» в географическом определении пространства безопасности, журналист Вильям Пфафф в своей статье «Другой России у нас нет», опубликованной в одном из августовских номеров влиятельного американского издания с французскими корнями International Herald Tribune в 2007 году, отмечает о «трудностях» соседства с Россией следующее: «Новые члены ЕС, являющиеся соседями России, — страны Балтии и Польша — и такие кандидаты на членство в ЕС, как Грузия, уверяют, что Россия возвращается к тому же гнету и неприязни к либеральному Западу, которые были для нее характерны на протяжении значительной части ее истории, к тому, жертвами чего в XX веке стали они сами. Негодуя на Россию и агрессивно поддерживая сторонников жесткого курса из администрации Буша, они склонны забывать, что путинская Россия — это единственная Россия, которая есть у них — да и у всех нас. Это та Россия, с которой придется иметь дело, какова

бы она ни была, какой бы она ни стала. А страны, которые являются ее соседями, прокляты географией. Переселиться в другое место они не в силах. Их американские друзья живут на другом континенте. Более того, в Америке администрации сменяются, и следующая вашингтонская власть, вполне возможно, откажется от курса Буша по отношению к России. Такова уж сила национальных интересов».¹ Сразу стоит подчеркнуть, что для русофилов в Украине соседство с Россией часто воспринимается как счастье Украины, но это уже вопрос тех самых геополитических преференций.

«Разрывы» пространств безопасности и «серые зоны» опасности

Так или иначе, в концептуальном понимании Украина, «проклятая» или «осчастливленная» географией страна, на современном этапе является разделенной периферией, которая находится в поиске статуса интегрированной периферии через преодоление синдрома накладываемой периферии. В этом отношении разделенное пространство безопасности с центром в Украине является реципиентом всевозможных угроз, исходящих из внешней среды, так и само, в свою очередь, представляет и «продюсирует» угрозу для нее. Более того, именно здесь сохраняется благодатная почва для процветания горючей смеси из «жестких» и «мягких» угроз безопасности. На наш взгляд, решающая специфика в определении внешнеполитических приоритетов Украины в обеспечении ее национальной безопасности должна учитывать тот факт и исходить из того тезиса, что она оказалась между ЕС и Россией, то есть между пространствами, где, с одной стороны, преобладают уже «мягкие», а с другой — все еще «жесткие» подходы к определению угроз и, соответственно, обеспечению защиты от

¹ Pfaff W. The Russia we have // International Herald Tribune. — 2007. — August, 3. // <http://www.ihf.com/articles/2007/08/03/opinion/edpfaff.php>

них. В связи с этим ЕС смотрит на Украину как на источник «мягких», по крайней мере, не военных угроз для себя. С другой стороны, в 1990-е годы стремление стран Центральной и Восточной Европы как можно быстрее интегрироваться и в НАТО, и в ЕС во многом было связано с желанием как можно дальше дистанцироваться от Москвы и обеспечить себе как раз «жесткую» безопасность от России, укрывшись за военным щитом НАТО и «ядерным зонтиком» США. Таким образом, процесс разрыва пространств безопасности было фактически не остановить. И в этом случае Украина как раз попадает вот в эту самую «серую зону», где сохраняется полигон для обкатки стратегий стран НАТО в контексте реализации общей военной и оборонной политики, и стратегии ЕС, и США, и России в контексте их глобального противостояния. В том числе и в сфере «пространственной безопасности».

Вообще, категория пространства сама по себе является «источником объяснения» многих процессов и издавна была в центре внимания практически всех гуманитарных и технических наук, что приводило к выделению и определению качественных и количественных характеристик пространства как определенного локализованного контекста, в котором развивались те или иные процессы. Как отмечал Фернан Бродель, «пространство, будучи источником объяснения, затрагивает разом все реальности истории, все, имеющие территориальную протяженность: государства, общества, культуры, экономики... В зависимости от того, то или другое из этих множеств мы изберем, значение и роль пространства будет видоизменяться».¹ Рассмотрение евроатлантического пространства как «пространства связей безопасности»

¹ Бродель Фернан. Время Мира / Перевод с французского доктора исторических наук Л. Е. Кубеля. Вступительная статья и редакция доктора исторических наук Ю. Н. Афанасьева. В 3-х томах. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. Том 3. — М.: Прогресс, 1992. — С. 13.

делает его объектом системного анализа, где взаимосвязи элементов в системе конкретизируют само пространство (при выделении пространств мы всегда представляем (или не представляем) четко (а в современных условиях и не всегда четко) конкретные контуры, границы пространств, миров, регионов), поэтому вопросы определения границ евроатлантического «пространства» и его цельности, единственности и множественности поднимались выше как ключевые исследовательские «пазлы». Для иллюстрации выписанных выше теоретических конструкций на практике можно привести пример Украины и ее «дилеммы безопасности» с опасностью попадания в «серую зону» на стыке двух систем/пространств безопасности презюмируемого нами, по сути, единого евроатлантического пространства.

«Свои» и «чужие» в идентификации пространственных границ безопасности

Пространство безопасности между Западом и Востоком, куда и попала Украина, — это беда и шанс для Украины одновременно. Между тем, Украине все еще предстоит проделать долгий путь в достижении баланса между преимуществами своего географического местоположения и геополитическими рисками. Необходимо отметить, что опасность пребывания Украины у границ НАТО, ЕС и России в неопределившемся статусе интегрируемого/интегрирующегося, а точнее, «не интегрирующегося» при опасности эскалации противоречий между Западом и Востоком, более чем очевидна. В данном случае под «Западом» мы понимаем стратегическую связку ЕС-НАТО-США в контексте их глобального позиционирования по отношению к «Востоку» — России. Дело в том, что, несмотря на ряд актуальных проблем «внутри» Запада, гипотетически сигнализирующих о появлении линий разлома общей идентификации в направлении его постепенной дезинтеграции (непростые отношения между США и ЕС, и как следствие, раскол Европы на «старую» и «новую», трансформация НАТО и попытка ЕС

играть свою роль в сфере безопасности, «многоликость» самого ЕС), новые угрозы, а также разочарование в «путинской» России и непредсказуемость ее развития в «постпутинский» период, заставляют Запад консолидироваться на долгосрочную перспективу. В этой связи стержневым элементом консолидации становятся общие ценности и самоидентификация принадлежности к единому цивилизационному пространству, что делает сиюминутные, с точки зрения истории и времени, проблемы внутри Запада ничтожными. Все это актуализирует вопрос о делимитации и демаркации границы даже не столько материальной, сколько ценностной, цивилизационной с определением «нас» и «их», «своих» и «чужих», порядка и беспорядка («материализованными» примерами построения стен на границе в прямом смысле этого слова, защищающих «нас» от «чужих», может служить и Великая китайская стена, и Берлинская стена, и стена, возводимая в Израиле на отдельных участках границы с Палестиной, и со стороны США по мексикано-американской границе, а Саудовская Аравия еще в сентябре 2007 года заявила о намерении построить «стену безопасности» на всем протяжении границы с Ираком¹. Существует опасение, что как раз «ЕС идет в сторону модели пространственной организации, известной как «gated community», или «отгороженное сообщество», предполагающее выстраивание — в той или иной форме — стен между «своими» и «чужими», «нашими» и «не нашими».²

В случае же вхождения России в ценностное пространство Запада, а приглашение это сделать транслитерируется через призыв к Москве встать на путь демократических реформ, разговор о границе как межцивилизационном разграничителе

¹ Саудовская Аравия стеной отгородится от Ирака, 18 сентября 2007 // <http://www.korrespondent.net/main/207821/>

² Макарычев А. Критические подходы к безопасности: российско-украинские дебаты // <http://www.eurasianhome.org/xml/t/expert.xml?lang=ru&nic=expert&pid=1212>

потеряет свою актуальность. В итоге Запад с Россией станут «своими» друг для друга, и возможность появления единого, общего пространства безопасности от Аляски до Владивостока может стать реальностью. Даже без полной интеграции Украины в НАТО или в ЕС, субрегиональное пространство Европейской части бывшего СССР, исключая Россию, как минимум, потеряет свою главную отличительную сущность — быть «между», что крайне положительно скажется на геополитическом самочувствии Украины. Если же Запад и Россия будут и далее оставаться «Большими Другими» друг для друга, граница между ними будет только укрепляться по Украине. В этом случае Украина и далее будет рассматриваться как кирпичик того «безопасного забора» и гаранта дистанции, своеобразного «фильтра» угроз в промежутке между Западом и Россией. В этом, кстати, и проявляется та негативная «исключающая» суть, например, Европейской политики соседства, о концептуальных недостатках которой для Украины постоянно говорят украинские адвокаты евроинтеграции. Не случайно именно ЕС наиболее активно артикулирует вопросы приграничного взаимодействия с Украиной, так как из всего Запада находится в непосредственной близости к «Большому Другому» и подвергается как «мягким», так и «жестким» угрозам своей безопасности. Но наиболее контроверсионная ситуация складывается в треугольнике Украина—Россия—НАТО.

Украина «между» пространствами (без)опасности: шаг в сторону «нового евроатлантизма»?

Вместо заключения

Феномен украинской «транзитности» в отношениях между Украиной, НАТО и Российской Федерацией заключается в попытках как НАТО, так и России, использовать территорию Украины для «транзитного» продвижения своих стратегических концепций безопасности, в случае с НАТО — на Восток, в случае с Россией — на Запад. Как и в прежних сценариях, Украина опять попадает в перекрестный огонь своих соседей.

При этом «материализация» стратегий может носить вполне прикладной характер — вплоть до размещения на территории Украины хоть и союзнических, но войск иностранных держав. В случае с реализацией натовской стратегии самый примитивный, но далеко не самый простой вариант — дальнейшее расширение НАТО на Восток и включение Украины в ряды Альянса. Эта проблема далеко вышла за рамки просто военно-политического дискурса, к сожалению, стала предметом чрезмерной политизации, часто, и не всегда оправданно, рассматривается в контексте сохранения Украиной фактического суверенитета, а также не «бумажной», а реальной независимости и целостности страны. Вместе с тем российское военное присутствие в Украине не прекращалось со времен существования СССР. Однако вопрос вступления Украины в НАТО и современная дискуссия о ПДЧ, так или иначе, являются дискуссиями о трансформации сразу нескольких разделенных пространств безопасности, при которых «натовское» расширяется, а постсоветское «сжимается», лишая Россию дополнительного пространства для маневра. Естественно, что Россия демонстрирует большую расслабленность, когда речь идет об Украине и ЕС, так как ничто не предвещает панику, поскольку ЕС, в отличие от НАТО, не открыта для Украины институционально не только сейчас, но и в обозримом будущем (кстати, интересно будет понаблюдать за российской внешней политикой в отношении Украины в тот момент, когда вопросы о ее членстве в ЕС таки станут реальностью). Впрочем, если Россия не заинтересована в дальнейшем расширении НАТО и видит в этом угрозу своей национальной безопасности, то вопрос о вступлении или невступлении Украины в НАТО может рассматриваться в качестве важнейшего в защите российских интересов. В этой ситуации для Украины важно, чтобы Россия предприняла все усилия для разрушения имиджа страны, которая продолжает проводить политику с позиции силы ради защиты собственных интересов. Например, они могут быть защи-

щены путем убеждения украинских властей отказаться от намерения вступить в НАТО, но не потому, что НАТО — это агрессивный блок, а потому, что Россия защищает и уважает интересы Украины не меньше, чем НАТО, и стремится развивать тесные экономические и политические отношения, подчеркивая неоспоримость украинского суверенитета, территориальной целостности, независимости, демократии и ее курса на европейскую интеграцию при выведении вопроса об энергообеспечении за рамки диалога. И вот только в этом случае Украина вправе принять решение о вступлении или невступлении в НАТО исходя исключительно из своих внутренних приоритетов, где российское доминирование не станет решающим при принятии решения, а Москва без излишних упреков примет любое решение Киева. Парадоксально, но как только Россия откажется от амбиций, схожих с имперскими, она действительно начнет больше думать о своих подлинных национальных интересах. Сверхдержавность в 21-м веке обеспечивается не путем спекуляции историей и механистическим присоединением территорий, а путем влияния на принятие решений в реально независимых и суверенных правительствах, что предполагает создания таких условий, при которых эти правительства, поддерживая независимость и отражая волю народа как высшего носителя суверенитета, осознанно идут в сферу влияния того или иного сверхдержавного центра силы. В борьбе за сферу влияния побеждает тот центр силы, который смог предложить «ходовой товар» и выиграл в конкурентной борьбе у своего оппонента того, кто готов этот «товар» в виде стратегического партнерства «приобрести». Это напоминает процедуру «зомбирования», но решение властной элиты принимается осознанно без подавления воли, на основе гражданского интереса, а попадание в сферу того или иного влияния отражает стратегическое желание жить по тем правилам, механизмам, стандартам, которые предлагает центр, а разделяет присоединившаяся периферия. В этом Украина может оказать России неоценимую

услугу, скорректировать ее внешнюю политику в отношении «ближнего зарубежья» таким образом, что Киев будет сознательно заинтересован защищать интересы России, которую даже трудно будет обвинить в наличии имперских амбиций. Даже вступив в НАТО, Украина вправе будет ставить вопрос о реализации такого сценария, при котором интересы России могут быть защищены с большей вероятностью, чем в случае Украины вне НАТО. И этот тезис будет являться своеобразным примером того «сращивания» разделенных пространств безопасности при прохождении практически невидимого шва